

ГЕОРГИЙ ЧЕРНОВ

ОЛЕНЬЯ ГОЛОВА

РАССКАЗ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Георгий Чернов

Оленья голова

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64603511

SelfPub; 2021

Аннотация

Это рассказ, полный славянской хтони, всепоглощающей тьмы и безвыходной глубины русского леса. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Предисловие	4
I	7
II	19
III	27
IV	30
Эпилог	36

Георгий Чернов

Оленья голова

Предисловие

Кривые сосны едва не касались земли, скрипя своим нутром под напором вьюги. Снежный поток кружил вокруг леса, вырисовывая витиеватые узоры в воздухе. Вой и свист, раздававшийся сквозь ночь, мог, казалось, даже оглушить, услышь его неготовый к этому человек. Простонародное суеверное сознание, вероятно, назвало бы такую ночь гневом божьим, однако, в гневе этом наметанный глаз художника усмотрел бы первозданную природную красоту. Не правда ли, что людей всегда привлекало то, что может их напугать или даже убить? Не возьмусь говорить за всех, однако, зачастую, чем величественнее и необузданнее стихия, тем она привлекательнее для сложного и противоречивого человеческого разума. Когда человек смотрит со стороны на торнадо или цунами, он восхищается его смертоносной мощью, однако, оказаться внутри он вряд ли захочет. Несмотря на все это, из-за тонкой нити горизонта, на заметенной почти до основания дороге, показались две слабые автомобильные фары: черный внедорожник прорывался сквозь серую пелену, скрипя расшатанной подвеской.

Облепленный снегом, он разрезал лежавшие на его пути сугробы, словно волны, и движениями своими он напоминал катер, попавший в шторм. В салоне можно было услышать белый шум, на полной громкости звучащий из радио, и сквозь этот шум прорывались чьи-то искаженные голоса. За рулем сидел средних лет коротко стриженный мужчина в легком пальто. Он нависал на руле локтями и скорее не управлял машиной, а двигался всем телом в том направлении, куда его вело. Он, казалось, уже привык и к белому шуму из радио, и к стуку открытого бардачка, из которого давно вывалилось на пол все содержимое. На торпеде можно было заметить красные, уже успевшие высохнуть мазки. Машина жила своей жизнью, и могло даже показаться, что она сама завела его в такую даль, ведь то, как в таком состоянии он смог проехать настолько внушительное расстояние – тайна, окутанная мраком.

Едва внедорожник смог развить какую-никакую скорость, проехав самые заметные участки, как из леса что-то выскочило прямо под колеса. Разглядеть в этом силуэте что-то знакомое было трудно, однако, на один момент могло показаться, что на голове у него красовались густые и длинные рога. Руль повело в сторону, и внедорожник полетел в направлении леса, свалившись в кювет. Послышался глухой удар, скрежет металла и треск стекла и пластика. И снова ночь взяла свое. Снова слышно было лишь завывания ветра, стук сухого снега о металл и стекло, а где-то сквозь все это

скрипело повисшее в воздухе колесо.

I

По-зимнему белое солнце блекло мерцало сквозь облака, освещая окутанный морозом лес. Тихий ветер то и дело пробегал между деревьями, сбивая с их толстых ветвей упавший за ночь снег. Из-за горизонта, взбираясь по крутому склону, медленно появились две фигуры. Два человека, одетых в теплые самодельные тулупы из, судя по всему, волчьей шкуры, молча брели по снегу, жадно глотавшему их уставшие ноги. Один из них тащил за собой огромные сани, покрытые сверху брезентом, и немного прихрамывал на левую ногу, а второй нес двуствольное ружье, то и дело спадавшее с затекшего плеча. Густые и длинные темные волосы первого мужчины спадали ему на плечи, спутанная длинная борода окутывала его лицо, а уставший и тяжелый его взгляд, казалось, был совсем не здесь, отрешенный и посторонний. Второй же – низкого роста мужичок, светловолосый, с прямым и искренним взглядом, от которого веяло если не доверием, то по крайней мере человеческим простодушием. Они медленно продвигались вперед, утомленные и изрядно вспотевшие, и в какой-то момент первый мужчина, что тащил сани, упал в горячий снег, еле сдерживая жалобный стон, рвавшийся из него.

– Ну, хватит тебе, Филин. Давай теперь я поташу, – протараторил низкий, подавая ему руку.

Филин недовольно оскалился, вытирая снег с лица, после чего смачно сплюнул и бросил в протянутую ему руку поводья саней. Когда он начал подниматься, то едва удержался на ногах, но его приятель вовремя схватил его под плечо и поставил, таки, на ноги.

– Ты же так никогда не поправишься, – добавил низкий, смотря при этом куда-то в бесконечно голубое небо. – Как тебя земля-то носит еще, дурака?

– Опять ты со своей землей. Сколько можно изрыгать этот бред? Ты когда заткнешься, Батрак?

Батрак бросил обиженный взгляд в сторону Филина, кинул ему в руки ружье, после чего отвернулся и с тем же оскорбленным видом потащил за собой сани. Филин же, поймав этот взгляд, довольно потянул уголки губ, но спустя мгновение снова похмурил, улетев своим взглядом куда-то вдаль, в глубину бесконечных стен деревьев, окружавших его. Он проскальзывал своим сознанием в этот вечно тянущийся сотнями сплетающихся черных вен лес, сокрытый густотой хвойного покрывала. Затем он был, видимо, скрыт, чтобы никто и никогда с высоты птичьего полета не увидел это, как он думал, старое, голое чудовище. Недалеко за склоном уже виднелся ветхий бревенчатый дом, одиноко стоящий посреди лесной чащи. На высоком крыльце стоял пожилой мужчина. Он смотрел на приближающихся к нему Филина и Батрака, грозно сложив руки на груди, и что-то жевал своим беззубым ртом.

– Заждался уже старик, – вырвалось у Батрака через сбившееся дыхание. – Сейчас трепку задаст.

Филин лишь многозначительно и едва заметно кивнул, а затем громко и демонстративно плюнул в правую от себя сторону. Тут старик на крыльце резко ударил по перилам, развернулся и захлопнул за собой скрипящую деревянную дверь, растревожив залежавшийся на крыше снег. Показалось, что все птицы леса услышали этот хлопок закрывшейся двери, разверзнув свою пасть в мерзком и пронзительном крике. Взвиваясь черным ураганом, они покидали свои насиженные места, гигантской тенью закрывая голубую небесную твердь.

– Зря ты так со стариком, – бросил Батрак, делая небольшие паузы с рывками, притягивая к себе застревающие в снегу сани. – Ладно меня, его хоть пожалей. Он одной ногой там уже.

– Да пусть валит уже в свое... куда ты там его провожаешь? Он ведь и меня за собой утащить хочет.

– Этот человек тебе жизнь спас. Кров тебе дал, как и мне когда-то. Кормит тебя, в конце концов.

– Да это я... – тут Филин вдруг снова споткнулся, но чудом удержался на ногах, – это я его кормлю! Мудака старого. И ты со мной туда же, как холопы какие-то.

– Жестокий ты человек, Филин. Злое у тебя сердце. Почву под ногами не чувствуешь, вот и злишься.

– Конечно не чувствую! Я и ног-то своих уже не чувствую!

Все, заткнись, надоело.

– Ладно, как хочешь. Все равно, в итоге, каждому сполна вернется. Открой ворота поди.

Громадная деревянная дверь амбара со скрипом пропустила через себя двух посетителей, и они, в свою очередь, задыхаясь затащили внутрь покрытые брезентом сани. Батрак развязал веревки, стягивавшие брезент, и одним легким движением стянул его на пол, обнажив свежую оленью тушу. Филин, всматриваясь в пустоту стеклянных животных глаз, увидел будто бы мольбу, стекающую багровым ручьем на подложенную снизу черную ткань. Что-то в этот момент будто хрустнуло у него внутри, перевернуло закостенелую душу, задрав какой-то внутренний заусенец, о котором он почему-то забыл. Он крепко сжал челюсть, напряг мышцы лица и зажмурил глаза, чтобы перетерпеть нахлынувшую на него тревогу, досчитал до пяти, после чего вновь посмотрел в пустое молящее стекло.

– Поздно умолять, – тихо сказал он, опустив пальцами отяжелевшее оленьё веко, и погладил его гладкую, вытянутую морду. Батрак, казалось, всего этого не заметил, натачивая в стороне разделочный нож.

– Помоги мне его на крюк насадить и можешь идти в дом, – бросил он, воткнув ножик в стоявший рядом пень. Общими усилиями они перевязали оленю его задние конечности, а затем водрузили его на мясницком крюке, словно мешок, перетянутый кожей. – Все, иди, дальше я сам.

Филин вышел на улицу под звонкий звук вспоротого живота, завернул за угол и направился в сторону крыльца. Лестница приветственно скрипела под его ногами, в ломанном, хромом ритме раздаваясь легким эхом по округе. Поднявшись наверх, он заметил на широких перилах свежую деревянную фигурку, отесанную ножиком. Решив немного перевести дух, он осторожно взял ее в руки и попытался угадать в этих грубых чертах какой-нибудь образ. Он видел уже много таких фигурок, ведь старик только и делал, что строгал их, расставляя по дому, словно оберег, но в этой фигурке узнать что-то знакомое он не смог. В одном месте у нее красовались то ли плавники, то ли крылья, а на том, что он распознал как голову, торчало нечто, похожее на кривые бараньи рога. Филин еще раз покрутил ее в замерзшей руке, а после, широко размахнувшись, забросил куда подальше. Фигурка кротко ударилась о сосну, после чего нырнула в стоявший рядом сугроб.

– Бездельник, – прошипел Филин сквозь зубы, после чего открыл входную дверь.

Вывалившись на входе из заснеженных валенок, каменным грузом тянувших его к земле, он сбросил с себя волчий тулуп, под которым оказалась черная, мятая рубашка. Под слоями въевшейся грязи и общей поношенностью было трудно заметить, что ткань этой рубашки когда-то была достаточно дорогой. На левом рукаве не хватало запонки, а та, что еле держалась на правом, была хоть и потертой, но явно

купленной человеком со вкусом. Филин прошел в просторную комнату, заставленную фигурками и обвешенную разного рода оберегами из всяческих растений: давно усохших березовых и дубовых листов и, в особенности, из барвинков. Посреди комнаты стоял громоздкий обеденный стол, в углу комнаты поселилась большая каменная печь, совсем недавно побеленная, а у самой широкой стены стоял огромный старый шкаф, заставленный посудой и самодельными игрушками. У шкафа сидела милая девушка в белом сарафане, светлые волосы которой собраны были обручем, и вязала очередную куклу, а из-за занавески на печи слышно было, как старик отесывает новую заготовку.

– Что, все херней своей маетесь, как дети малые? – язвительно бросил Филин, забрав у девушки куклу. Он с секунду повертел ее в руках, а потом бросил обратно. Девушка, вытянув руки вперед, едва поймала ее и прижала к груди, словно хрупкую, как хрусталь, драгоценность. Филина это пробрало настолько, что он издал короткий, но громкий смешок, однако после резко закашлялся и повалился от усталости на стоявшую рядом неуклюжего вида деревянную скамейку, укрытую вязанным ковриком.

– А ты опять на землю плюешься? Говорил же я тебе! – раздался хриплый, высоковатый голос со стороны печи. – Землю уважать надо! Лес уважать!

– Да, что-то такое слышал. Запоминаю я что ли? Ты столько чуши за день городишь, я не успеваю записывать.

– Погоди, погоди. Дождешься – я тебя на мороз выкину, а там сам уже как хочешь, так и живи.

– Да я сам от вас свалю скоро. Пойму только куда идти, и сразу. Да только это ж вы без меня тут хрен проживете. Кто вас кормить, тунеядцев, будет? Батрак? Батрак один вас не прокормит ни хера. Два паразита, что ты, что Мара твоя, – он кивнул в сторону девушки, и та стыдливо отвернулась.

– Земля да и прокормит, – спокойно ответил старик. – Да лес зеленый. Хватит мне на роду кормильцев. Все, хватит! Не сладить с тобой. Где Батрак?

– Оленя разделывает. Сейчас придет. Есть пожрать чего?

– Есть. Только ты порядок знаешь. Сядешь, когда все съедут.

– Да я сдохну от голода сейчас.

– А Батрак что, нет, по твоему? Жди, я сказал.

Филин хотел было снова возразить, но осекся. Он настолько устал, что даже перебранка, вместо того, чтобы давать новых сил, лишь забирала остатки старых. Со временем его окутала густая пелена, погрузив в вязкую, как деготь, дремоту, и странный песок сковал его глаза. В этом состоянии ему казалось, словно какие-то трескучие звуки наполнили комнату, а сама она будто вытянулась, расширилась в своем размере. Все тряслось, ходило ходуном, а звуки нарастали с каждой секундой, ускоряя ритм.

– Это неправильно, – раздался слабый и высокий голос, морозом обдавший все филиново нутро. Со временем он все

сильнее искажался, занижая тембр, и все больше впивался в плоть сотнями игл. – Предатель. Умри. Подлец. Умри.

– Не надо, – лепетал Филин сквозь сон. – Я не хотел.

В один момент, когда вся голова Филина будто бы переполнилась, уже готовая взорваться, раздался резкий хлопок. Филин вздрогнул, издав рычащий, короткий крик, и, в панике осмотревшись, понял, что хлопок этот издал Батрак, когда вошел в дом. Он, в свою очередь, увидев это, громко загоготал, после чего, сквозь еще не до конца вышедший смех, весело затараторил:

– Что, испужал тебя? А нечего зевать, для того ночь есть.

– Какой же ты мудак, все-таки. Нашел над чем смеяться.

– Кончайте пустую болтовню и садитесь ужинать, – вмешался старик, уже сидевший к тому времени за столом. Филин, специально потянув немного времени, все же поднялся со скамейки и сел напротив старика. Он отрешенно уставился в глубину своей глиняной тарелки с похлебкой, разглядывая беспорядочно плававшие в ней овощи и куски мяса. Все сидели и ждали, поедая серую тишину, сквозь которую изредка прорывался свист злобного ветра. Старик первый взял в руки ложку и опустил в свою тарелку, и как только он погрузил ее в свой беззубый рот, к трапезе приступили и остальные, наполнив комнату звуками стучащей посуды. Длилась эта трапеза недолго, и как только Батрак проглотил последнюю ложку, звуки снова стихли. Старик, смотрящий то на Филина, то на Батрака, поскреб ногтями по сто-

лу, кашлянул куда-то в сторону и заговорил: – Мара. Посуда, – и, пока девушка покорно поднималась со своего места, продолжил говорить во все том же приказном тоне. – А вы двое, значит, спать ложитесь. Завтра пойдете к дубу. Дары понесете. Ты мясо разделал? – обратился он своим взглядом к Батраку.

– Разделал, Отец.

– Стало быть, на завтра готово все. Давайте ко сну отходить.

– Не пойду я ни к какому дубу. Сколько можно этой чушью заниматься? – недовольно вмешался Филин, поднимаясь из-за стола.

– Пойдешь, куда денешься, – отрезал Отец со спокойной уверенностью на лице.

– А то что?

– Можешь на морозе жить.

Филин уже открыл рот, чтобы вставить очередное «против», как, уже который раз, почувствовал, что силы на это у него не хватит. Он лишь протяжно зевнул, легонько ударил по столу ладонью и направился к себе в спальню.

Комнату ему выделили тесноватую: кровать у стенки и небольшая тумба в углу, на которой одиноко покоилось старое, покрытое налетом зеркало. Уже приготовившись лечь, Филин заметил, что под этой тумбой что-то лежит. Он наклонился, чтобы получше разглядеть это нечто сквозь накатывавший клубами сон, и понял, что это кусок оленины,

лежащий на плоской глиняной тарелке. Рядом же стоял стакан уже забродившего молока, возле которого лежала плетеная из веток человеческая фигурка.

– Идиоты перекрытые, – заключил Филин, после чего резко пнул тарелку. – Тараканов мне завести решили?! Своих мало, новых приглашают.

Погрузившись в глубину голубых одеял, он мгновенно растворился во сне. Комната медленно пропала из его сознания. И появилась снова. Он раскрыл глаза от громкого шума за окном. Странные возгласы, истошные крики ворон, запах гари – все смешалось в его гремящей голове. Вскочив с кровати, он начал медленно двигаться к окну, чтобы понять, что происходит, однако его остановил резкий слепящий свет, ворвавшийся через покрытое морозными узорами стекло. Он закрылся от этого удара рукой, а затем начал медленно проглядывать через нее, постепенно привыкая к этой рези. Когда глаза худо-бедно привыкли, он все-таки выглянул: весь лес словно ожил, окутанный белым заревом. Что-то носилось за соснами, закручивая причудливые вихри, а кроны деревьев окутывал красный, как солнце, огонь. Вдруг перед окном кто-то пробежал. Филин не успел понять, кто это, однако фигура выглядела очень знакомой. Еще через минуту действие повторилось, и в этот раз Филин сумел узнать в фигуре дряхлого, голого старика. Это был Отец. Он бежал вокруг дома, держа в руках огарок свечи, каким-то образом еще едва горевшей. В этот момент Филин, окончательно

потеряв суть происходящего, отступил, сделав неуверенный шаг назад, а после развернулся и начал дергать ручку двери. Она оказалась закрытой, а из щелей ее валил густой дым. Как бы ни пытался он, ни открыть, ни выломать ее у него не вышло, однако, он не сдавался.

– Откройте, твари! Вы какого хера там делаете? – кричал он, плечом ударяясь о деревянную твердь, но ответа не получал.

Со стороны окна раздался стук. Тихий, ненавязчивый. Филин решил на него не реагировать, продолжая долбиться в дверь. Стук стал громче, вскоре кульминировав в треск и звон разбитого стекла. В комнату проник холодный воздух, сковав белыми цепями филиновы ноги, и тот вынужден был повернуться. Отец смотрел на него через разбитое стекло, казалось, совершенно не моргая. Красные его, налитые кровью глаза съедали Филина живьем.

– Земля твой дом. Земля твой дом. Здесь твой дом, – заговорил он монотонным голосом, просовывая в оконную раму затухшую свечу. – Куда ты уйдешь? Куда ты собрался?

– Сгинь, мразь! Захочу и уйду, сука!

– А гостинцы ты его пошто пнул? Я же просил, не трогай его гостинцев. Это не твое.

– Изыди, бес! Чур меня!

И тут свет стал ярче. Он поглотил сперва улицу, потом старика, а после и всю комнату, жадным звоном наполнив кровоточившие уши, и вскоре сменился непроглядной

ТЬМОЙ.

II

Под утро, когда белый солнечный свет едва начал разгонять лесную темноту, Филин уже топтал своим тяжелым шагом скрипящие половицы большой комнаты. Расхаживая из стороны в сторону, словно от одной решетки к другой, он пытался самому себе объяснить ту потустороннюю тревогу в груди. Панические атаки у него случались и прежде: образ жизни и возраст давали о себе знать. Однако, заглядывая в прошлое, он делал вывод, что такое с ним происходило впервые. Руки его тряслись, а голова раскалывалась. Ему казалось, что на черепную коробку изнутри давит его собственный мозг, и иногда он чувствовал, будто что-то течет из его ушей. Естественно, когда он проводил подушками пальцев по ушному отверстию, они оказывались абсолютно чистыми, за исключением накопившейся за последние несколько дней ушной серы. Сделав пару вдохов-выдохов, досчитывая до пяти, он, на мгновение успокоившись, все же пришел к выводу, что виновата недостаточность сна: он практически не спал этой ночью. Теперь, когда он успокоил наконец стук своих пульсирующих височных вен, он смог услышать, как на своем месте звонко стучит, уже спицами, Мара.

– Ни свет ни заря, а уже вся в труде, посмотрите-ка на нее, – сказал Филин, начав медленно приближаться к ней. – Спят же еще все.

Мара почти никак не отреагировала на слова Филина, а лишь немного потупила взгляд. Она все стучала и стучала своими спицами, словно сводящие с ума часы, и Филину сквозь сонный плен, от которого он все никак не мог избавиться, казалось, словно этими иглами она протыкает его кожу в своем глухом безразличии. Он нервно сглотнул, стиснув до боли зубы, и пьяной хромой походкой подошел к ней уже вплотную.

– Ну и что ты молчишь? Ты же, вроде, не немая. Я даже пару раз слышал, как ты что-то себе под нос бормочешь. Скажи что-нибудь, – и после этих слов резко отбросил спицы из ее рук. – И язык у тебя, вроде, на месте. Можно даже проверить, – продолжил он и тут же впился в ее губы своими губами. Он начал медленно поднимать ее за ворот сорочки, после чего резко ударил лопатками о стену. Отпрянув от ее губ, он посмотрел на нее: все то же безмолвное безразличие. – Стерва, – прошипел он, залезая своей рукой под сорочку. – Скажи что-нибудь. Скажи, – рвалось с его губ, но ответа не следовало. Когда он понял, что никакой отдачи не дождется, то резко вцепился обеими руками в ее лебединую шею. Все сильнее сжимая ее, он чувствовал, как перекрывает ей текущее внутри тепло. Он вдруг что-то ощутил. Что-то знакомое. С ужасом от этой мысли он отскочил, чуть не споткнувшись на торчащей половице. И снова дыхание его участилось, а кровь в висках забарабанила боевой марш, разрывая его больную голову. – Меня не возбуждают молчуньи, –

бросил все-таки он, немного взяв себя в руки, и с разочарованием заметил, что Мара уже собрала с пола спицы и спокойно продолжала вязать.

– Скоро придем.

– А? – опомнился вдруг Филин посреди леса. Все это время он слепо хромал за Батраком и тащил на плече увесистый мешок. Вокруг пахло свежестью, легкий ветер обдувал открытую шею, а доброе, теплое солнце грело уставшую, покрытую коркой кожу.

– Почти пришли, говорю, – повторил погромче Батрак, переступая ручей, прорезавшийся сквозь грязный, потемневший снег. – Уснул там что ль?

– Задумался... слушай, а могу я тебе вопрос задать?

– А отчего ж нельзя, задавай, – добродушно прозвенел Батрак, чуть запинаясь сквозь сбитое дыхание.

– Вы ж сожрать меня хотите... людоеды поганые! – импульсивно бросил Филин, после чего слегка осекся. – Заставляете херню всякую таскать. Туда иди, сюда иди. Я вам не раб персональный!

– Ты должен нам. Не забывай: пока у нас живешь – по нашим порядкам и будешь жить. Таким же батраком, как я.

– Ну а на кой хер мы к этому дубу вдвоем тащимся? Ты бы и один дошел, раз уж на то пошло.

– Лес, брат, уважать надо. Не будешь вместе с нами уважать лес... ну, там сам увидишь. Лес тоже кушать хочет.

– Ну и психи, – еле слышно прошипел Филин. – А чего, оленя тоже лесу несем?

– А, нет, – Батрак рассмеялся, – это дубу.

– И что это за дуб такой? Волшебный какой-то?

– А то не знаешь ты что за дуб и кто в нем живет, – продолжал посмеиваться Батрак.

– Не поверишь.

– Конечно, не поверю. Это все знают. – отрезал Батрак, после чего замедлил ход. – А вот и он, кстати.

Перед ними внезапно возникла достаточно большая поляна, покрытая коротким слоем едва прорезавшейся травы. Посреди этой рощи расположился громадный исполин, раскинувший свои только начавшие цвести ветви. На ветвях же его свисало множество подвешенных веревкой божков, оберегов и давно подгнившей еды и плесневелого хлеба. Между этой едой бегала маленькая, едва заметная издали белка, избравшая высокое дупло старого дуба своим домом.

– Почему так... – опешил вдруг Филин и оперся о стоявшее рядом дерево, чтобы перевести дух: еще секунда, и он бы повалился от усталости. – Почему так зелено?

– Так весна пришла, – пропел Батрак и двинулся вперед.

– Да ведь только вчера ж зима была. Как так быстро могла трава появиться?

Батрак вдруг остановился, повернулся к Филину и демон-

стративно покрутил у виска, после чего с насмешкой произнес:

– Ты мозги свои где оставил? Давай, пошли уже.

Когда они подошли к дубу, Батрак забрал у Филина мешок и, раскрыв его, стал аккуратно укладывать перед собой куски мяса. Пока Батрак был занят, Филин, разглядывая дерево, вдруг заметил в дубовой коре нечто, что раньше не замечал под покровом снега. У него сперло дыхание, а ноги подкосились: в угрожающем оскале на него направлены были врезанные в дуб челюсти. Немного испугавшись, он все же не стал это комментировать, однако, продолжал замечать эти челюсти по всему дубу, насчитав их ровно четыре. Он сделал вдох, досчитал до пяти, выдохнул и уже было собрался уходить, как услышал голос Батрака:

– Иди пока, обожди меня где-нибудь там. Мне помолиться надо, – после чего упал на колени между двумя большими корнями.

Долго заставлять Филина было не надо: он сам с радостью был готов удалиться хоть куда, лишь бы подальше от этого странного дерева, внушавшего неведомый ему доселе страх. Он хромя вышел с опушки, захрустев сырым снегом, и пошел куда глядели его глаза, спотыкаясь о каждый корень, что цепкой рукой хватали его страдающие от усталости ноги. Он был сильно напуган. По крайней мере, сильнее, чем то бывало прежде. Неизвестность врезалась ему в голову, отдаваясь ужасом по всему телу. Он хотел уйти. Но куда? Он не мог

собраться с мыслями. Они неустанно путались у него в голове, срывались, обрывались на половине. Он блуждал размашистыми кругами в собственном разуме и, как оказалось чуть позже, в лесу. Когда он понял, что заблудился, стало уже вечереть: яркий оранжевый диск уже заливал своим светом едва видимый впереди горизонт. Однако это не было поводом кричать, звать на помощь. Этого он делать точно не хотел: мало того, что это могло привлечь хищников, это еще могло привлечь и кого похуже. К примеру, Батрака, которого он теперь, по необъяснимой ему самому причине, начал бояться. Продолжая в тупую двигаться в одном направлении, Филин все же вышел на знакомое место – место, где его когда-то нашли. Та самая дорога, то самое дерево с кусками фар, застрявшими в коре. Правда, к своему удивлению, он уже не увидел там своей машины. Зато где-то вдалеке, на той стороне дороги, виднелся уже другой черный внедорожник, завалившийся набок.

Подойдя поближе, он, похрустывая стеклом под ногами, осторожно заглянул в заднее окно автомобиля. Он никого там не увидел сквозь уже опустившуюся тьму и начал было обходить машину, чтобы осмотреть все с другой стороны, как в какой-то момент ему показалось, будто из сугроба с той стороны дороги на него что-то смотрело. Изучало. Да так внимательно, что ему стало не по себе. Зеленые, блестящие глаза тарацились на него сквозь снег. Хищный и потусторонний, этот взгляд сковал его уже готовое развалить-

ся на части тело, а сердце на мгновение остановилось. Он хотел бежать, но не мог. Он встал как вкопанный, в оцепенении вглядываясь во мрак вокруг двух горевших зеленых огней. Когда цепи страха ослабли, а мутный, сонный взгляд привык к темноте, Филин увидел над глазами два громадных оленьих рога. Поняв, что это всего лишь мертвый олень, он досчитал до пяти, выдохнул, медленно подошел к сугробу и стал раскидывать снежный покров вокруг глаз. Не особо отдавая себе отчет, он вяло раскапывал голову, сам уже не зная зачем. Вдруг он резко, со сведенным в судороге лицом, отпрянул, увидев, как на руку ему заполз трупный червь: вся голова кишела ими, а морда его была изуродована странными узорами и символами. Филин начал медленно пятиться назад, но его остановил потусторонний, низкий голос, сотней труб раздавшийся в царившей вокруг ночной тишине:

– Ты. Стой.

Филин начал оглядываться, стараясь не верить, что с ним говорит оленья голова. Однако пришлось это принять, когда она продолжила, едва двигая своим гнилым ртом:

– Ты. Это я. Голова.

– Голова... – фальцетом выпустил из себя слова Филин, внимательно посмотрев в оленьи глаза.

– Да. Куда ты собрался? Бежать? Отсюда выхода нет. Ты не найдешь. Можешь бежать сколько хочешь. Но всегда вернешься. Ко мне.

– Кто ты? – машинально произнес Филин, совершенно по-

теряв над своим рассудком какой бы то ни было контроль.

– Анцыпар. Так меня прозвали. Вы. Мой голос – глубоко. Мой голос – пламя. Огонь. Геенна. Пади ниц предо мной. Пади и пылай. Страдай. Умри. Мерзость.

Рот Филина уже раскрылся в новом вопросе, но, едва выдавив слово, он почувствовал на своем плече чью-то руку. Обернувшись, он увидел молодого мужчину в сером драповом пальто и темными, смоляными волосами.

– Знатно ты тут ебнулся, а, Филин? – произнес он, после чего в лицо Филина стремительно влетела пятка пистолетной рукояти.

III

Слабый ветерок из открытой настежь балконной двери нежно раздувал прозрачную, белую тюль, едва касаясь светлых волос девушки, стоявшей посреди комнаты. Она глядела в пустую стену, словно то были не обои, а книжная страница с очень горьким содержанием, скрестив при этом руки на груди. На диване сзади от нее сидел мужчина в черной рубашке на запонках и таких же черных, как ночь, брюках. С виду мужчина был совершенно спокоен, с прямым и ясным взглядом, однако кое-что выдавало в нем волнение: он нервно дергал за свою правую запонку.

– Это неправильно, – тихо произнесла она, встав к мужчине вполоборота.

– Что неправильно? Жить нормально? – сказал мужчина, продолжая смотреть куда-то в сторону.

– Неправильно воровать, – она наконец повернулась, но по-прежнему не смотрела на него, а, потупив взгляд, рассматривала линии на паркете. – У своих воровать.

– У своих? Ты еще вчера хотела, чтобы я его убил. А теперь он уже свой! Вот так новости.

Она замолчала. Резкий поток ветра вдруг хлопнул балконной дверью о блокиратор.

– Ну и какого хрена ты молчишь?! – вдруг взорвался мужчина, вскочив с дивана. – Этот мудака умер. Деньги у меня.

Ты обещала уехать со мной. И теперь ты молчишь!

– Я просто поняла, – давила она из себя, стыдливо отворачивая голову, – что это... неправильно. Я уже позвонила Смоле.

– Что ты...

– И он будет здесь через полчаса. Тебе лучше бежать. И оставить деньги. Но я так не могу.

– Ты что сделала? – мужчина оскалился и уже приготовился ударить ее, как увидел, что она тянется к ножницам на стоящей рядом тумбочке. – Ты не могла. Ну нет. Я тебе не верю.

Гробовая тишина нависла над ними обоими. Шум проезжавших на улице машин и дуновения ветра будто приглушились, стерлись из жизни, а время остановилось. Тревожное ожидание и трепет перед неизбежным стягивались мертвой петлей. Им обоим было ясно что произойдет дальше. Каждый миг с этого момента превратился в вечность. Медленный поворот ее нежной лебединой шеи, сломанное дыхание, сорванные в крике голоса, сплетенные воедино. Он стоял и смотрел на нее, словно вся жизнь еще впереди, зная, что в любой момент все закончится. Все закончится именно так, а не иначе. Схваченные из плетеной корзинки ножницы, резкий удар, его руки на ее шее. Как так вышло? Он не мог понять, он силился, но не мог. Его слезы на ее щеке, уходящая с дыханием жизнь. Он считает до пяти. Раз. И он еще сильнее сдавливает ее шею. Два. Она умирает. Три. Все вокруг

умирает. Четыре. Время, звуки, запахи, легкий осенний ветер. Надо досчитать до пяти.

– Предатель... – тихо выдавила из себя она, разрушив липкий транс. – Умри. Подлец. Умри.

В один момент он словно услышал, как жизнь вышла из нее полностью, а сердце перестало биться. Комната вокруг него вдруг словно почернела, обои покрылись плесенью и отклеились от стен, а в воздухе витал гнилой смрад. Его даже можно было увидеть: зеленая липкая пыль заполонила всю квартиру. Лишь она одна была прекрасна. Одни лишь ее стеклянные, смертельно опустевшие глаза. Мужчина вдруг опомнился. Не успев даже толком понять что он натворил, он отпрянул от нее и в спешке вытащил из ее кармана ключи от машины, схватил стоявшую в прихожей черную сумку, набросил черное пальто, а затем открыл входную дверь и быстро спустился во двор. Пройдя мимо дежуривших у подъезда бабушек, удивленно косившихся на него, он снял машину с сигнализации и прыгнул внутрь. В ту же секунду, что он приземлился на мягкое сиденье внедорожника, он вскрикнул: в левой ноге у него торчали ножницы. Он раскрыл бардачок, вывалив все содержимое на пол, нашел там запечатанную пачку бинтов и начал медленно тянуть ножницы наружу. В этот момент в глазах его потемнело, а боль, которую он до этого еще не совсем ощущал, поглотила его целиком.

IV

Филин очнулся от резкого удара холодной воды в лицо, чуть не заставившего слетевшее с катушек сердце выпрыгнуть из груди. Нашупав щекой такой знакомый и грязный деревянный пол, он понял, что находится в большой комнате все того же сумасшедшего дома. Попытавшись повернуться, чтобы лучше рассмотреть окружавшую его обстановку, он понял, что сделать это будет тяжело: по нему словно проехался каток. Каждая кость в его теле горела, ломилась наружу, а мышцы ныли и стонали в незримой агонии. Неизвестно, сколько он тут пролежал, точно как неизвестно и то, сколько и как сильно его били: все, включая и размазанные по полу следы крови, тепло которых он ощущал теперь своей щекой, говорило о том, что долго и сильно.

– Доброе утро, соня, – раздался звонкий баритон, а после растекся по всей комнате легким эхом. – Я уж думал, что ты умер. Не хотелось бы этого допустить. Преждевременно.

Филин снова попытался подняться, и в этот раз он даже сумел оторвать голову от пола, но тут же получил резкий удар ботинком в лицо, вдавивший его обратно. Под тяжелым гнетом ребристой подошвы Филину оставалось лишь сплюнуть скопившуюся во рту железную кровь.

– Лежать, собака, – вновь отозвался баритон, – я не разрешал тебе подниматься. И на чем же я остановился? Ах, да.

Умирать тебе пока тоже нельзя.

Сквозь мелькавшие туда-сюда темные круги Филин вдруг смог разглядеть несколько фигур в другом конце комнаты. Это были Отец и Мара, привязанные друг к другу. Трудно было, однако, разглядеть их лица, эмоции, и лишь по очертаниям Филин догадался кто они есть. В этот момент ботинок поднялся с его лица, после чего последовал резкий удар в грудь, заставивший его лечь на спину и увидеть хозяина того баритона: тот самый мужчина в сером пальто.

– А, это ты... – прохрипел еще слабым голосом Филин, после чего крепко закашлялся. – Я уж надеялся никогда не увидеть твое рыло.

– А я вот этой встречи с нетерпением ждал. И, ты не поверишь, я тебя совершенно случайно нашел: мужики из соседней деревни твою машину нашли. Вывезли ее трактором к себе. А я как раз мимо проезжал. И, ты только представь, я уже собирался хер на тебя забить. Думал, сдох ты уже где-нибудь в канаве. А ты вот он, живой.

– Ну, «живой» – не то слово, – перебил Филин, сплевывая очередной багровый сгусток.

– Главное, говорить можешь. Остальное меня мало интересует, – ответил мужчина, а затем звонко щелкнул зажигалкой и прикурил торчавшую во рту сигарету. – А ты еще говорил, что в судьбу не веришь. А что это, по твоему? Ну да ладно. Давай делами займемся: где деньги?

И только прозвучали эти слова, не успев еще толком рас-

твориться в бревенчатых стенах этого дома, послышался звук открывшейся двери. Это мог быть лишь один человек, и Филин, едва завидев его фигуру в дверном проходе, хотел было предупредить вошедшего о грозившей ему, да и всем остальным, опасности, как раздался громкий выстрел. Размытая фигура, раскрыв рот в молящем и озадаченном крике, мертвым грузом ударилась о пол, и из рук ее повалились политые багряной пылью дрова. Комнату вдруг заполонил резкий, высокий крик, да такой силы, что барабанные перепонки дрожали, как листья под напором ветра: это выла Мара, видевшая своими глазами смерть Батрака. Мужчина в сером пальто, едва совладав с этим криком, приблизился к Маре и яростно вырубил ее ударом пистолетной рукоятки.

– Крикливая мразь, – отрезал он, развязывая ее обмякшие руки, после чего вновь обратился к Филину: – вставай давай, ублюдок, а то и эта тоже сдохнет! Показывай, куда деньги спрятал!

Филин, еле ковыляя ватными ногами, зигзагами топтал еще больше подтаявший снег, смачивая его капавшей с виска и рук кровью. Чувствуя смотревшее в его спину пистолетное дуло, он понимал, что живым уже не вернется. В целом, иллюзий он не питал: выхода из этой ситуации не было. Смирившись и приняв свою судьбу, он просто шел, как зачаро-

ванный, лишь выполняя команды человека в сером пальто. Мужчина же, пытаясь взглянуть в ночную тьму окружавшего их леса, тащил на плече Мару.

– Долго еще? – вдруг произнес он.

– Почти пришли, – монотонно ответил ему Филин, едва управляясь даже со своим голосом.

– А ты мне знаешь что скажи: ты нахера это сделал-то?

– Что сделал?

– А ты прям дохуя чего важного за жизнь сделал? Так много вариантов, даже не знаю что выбрать! Убил ты ее зачем?

– Ты лучше уточняй, Смола, а то я так и не могу сразу вспомнить...

– Ну и мразь же ты, – констатировал Смола, после чего затянулось короткое молчание, которое, впрочем, нарушил уже Филин:

– Зря ты Отца дома одного оставил.

– Чего?

– Он тот еще тип. Смотри, как бы в спину чего не прилетело.

– Что... да завались уже, ебнутый! – вдруг взревел Смола, чуть не сорвав голос, чем спугнул воронью стаю с кривых сосновых ветвей.

– Вот мы и пришли, – спокойным голосом заметил Филин, когда перед ними открылся освещенный месяцем и тысячами звезд гигантский, толстый дуб. Они медленно приблизились к нему, и Смола, с нескрываемым волнением, произнес:

– Копай.

Покорно опустившись на колени меж двух самых толстых корней, Филин начал руками разгребать землю в стороны. Спустя буквально минуту Смола заметил как Мара стала просыпаться. Чем глубже копал Филин, тем яснее становилась ее взгляд, тем светлее, как казалось тогда Смоле, горели звезды, освещая дубовую кору, и тем явственнее он стал видеть сам дуб: униженный божками, гнилой едой и инкрустированный кабаньими челюстями. Никогда он еще не видел ничего подобного. Протирая каждую минуту глаза, то ли от яркого света, то ли пытаясь стереть с них окутавший его морок, он остервенело озирался по сторонам. В какой-то момент звезды светили уже так ярко, что ослепляли, драли глаза, а кожа будто горела. Вокруг него витал звенящий,рывающийся изнутри звук. Смола уронил Мару, которая уже, ко всему прочему, была в полном сознании, и начал кричать от дикой боли, раздиравшей его тело. Мара, будто подбираясь к нему в тон, тоже начала вопить, разрывая гортань. Кожа ее вдруг взорвалась в диком, красном, как само солнце, пламени, разрывая в язвах ее нежную кожу. Скованный чем-то потусторонним, незримым, Смола мог лишь наблюдать, как из-под коры, из-под корней тянется густая, как масло, кровь, багровой рекой омывая уставшие филиновы руки. Звуки все нарастали, сливаясь в бредовую какофонию, а свет от пламени и звезд был уже настолько ярок, что буквально рвал глаза. Тут Смола вдруг решил двигаться вперед. Он медленно шел,

пытаясь остановить происходящее, и в приступе бреда схватил горящую в конвульсиях Мару. Когда он понял, что натворил, было уже слишком поздно. Что-то его словно держало, не давая отпустить смертоносный живой факел. В кульминационный момент, когда Смола уже думал, что больше не выдержит, раздался гром. Свирепый и злобный, как отцовский крик, он разогнал наступавшие со всех сторон звуки, оставив лишь крики Мары и Смолы, в адской боли стонавших заживо. Небеса вдруг разверзлись, разогнав облака, и кривым дамокловым мечом на дуб обрушилась смертоносная молния. Все вокруг вдруг поглотило сперва синее, как само небо, пламя, а после густой дым и пепельная пыль. Все рвалось под напором его меча. Все стонало, сверкало и тряслось. Сама земля, разрывая свою черную плоть, кипела и пылала.

Эпилог

Лес, окутанный ярким светом оранжевого пламени, словно указывал Филину дорогу. Подсвечивая мягкую, зеленую тропинку среди грязного, пепельного снега, он вел его куда-то в глубину, в собственные потаенные недра, скрытые от человеческого глаза. Торжественно расступаясь перед ним, он завлекал, шептал ему, словно любовница. Филин же покорно шел вперед. В один момент взору его предстала длинная уродливая сосна, кривизной своих изгибов напоминая старую ведьму. К сосне же той был примотан ее ветвями, стянувшимися колючей проволокой, абсолютно обнаженный и обгоревший Смола. Он кричал что-то неразборчивое, стонал и плакал, иногда переходя на истеричный крик. Из рук и ног его тихой, тонкой нитью стекала по сосновому стволу темная, едва ли не черная кровь.

Почуввав невыносимый смрад со стороны дерева, Филин решил подойти поближе. За сосной, как он увидел чуть приблизившись, раскинулся огромный котлован, а смрад источали гниющие, разлагающиеся тела оленей, кабанов и лошадей. Покрытые мерзкими язвами и трупными червями, ему казалось, они все еще вопили, корчась в страшных, неведомых муках.

Заслышав звук хрустнувшей сзади него ветки, Филин резко обернулся: это была Мара. Она шла легкой птичьей по-

ступью, полностью нагая и покрытая с ног до головы кровавой пленкой, и держала в руках оленью голову.

– Ну что, Филин, теперь я тебя возбуждаю? – заговорила вдруг в насмешке оленья голова, а затем разверзла свою пасть в громком хохоте.

Открыв входную дверь, Филин спокойно прошел в дом, аккуратно занося внутрь свежепорубленные дрова. Сбросив с ног валенки, он прошел в большую комнату и направился к печи.

– О, батрак вернулся! – вдруг радостно пропела Мара, вязавшая на своем месте очередную куклу.

– Это хорошо, что вернулся, – потер в нетерпении руки Отец. – Печь-то уже того, прогорает вся. Давай-давай, быстрее, подбрасывай!

– Хорошо, Отец, – тихо и покорно ответил ему Филин.